

лудни» (Д. Прозоровский. О славяно-русском дохристианском счислении времени. — «Труды 8-го археологического съезда в Москве. 1890». Т. II. М., 1895).

Живет в говорах и старинное название послеобеденной поры *пáобед*, известное еще летописям: «7059 (1551) августа 25, в паобедех, во вторник, пожар» (Новгородская II летопись). В некоторых областях значение этого слова не совпадает с летописным. Так, в бывшей Олонечкой губернии *пáобед* — время второго завтрака (Г. Куликовский. Словарь областного олонечкого наречия. СПб., 1898). Заметим, кстати, что в литературном языке для послеобеденной поры существует наречное выражение *зá полдень*: «Спокойно спит в тени блаженной Забав и роскоши дитя. Проснется зá полдень». (Пушкин. Евгений Онегин.)

Мы видели, что деление времени на определенные отрезки связано с производственной деятельностью человека и представляет собою способ характеристики труда по его длительности. Естественно поэтому, что чем разнообразнее условия работы, тем разнообразнее и приемы терминотворчества. Чем сложнее рабочая обстановка, тем оригинальней сопутствующая ей терминология времени. Вот интересный пример, взятый из деятельности наших современников-ученых. При проведении уникального медико-биологического эксперимента — жить и работать целый год в условиях совершенной изоляции от внешнего мира — участники эксперимента (Герман Меновцев, Андрей Божко и Борис Улыбышев), имея строгое расписание по часам и минутам, пользовались бытовым измерением времени. Обычный рабочий день: «Подъем в семь утра... Под музыку зарядка... Потом — умывание, завтрак и первая запись параметров. Каждые два часа — новая запись. За день, значит, нужно сделать семь таких записей. Они так и мерили время: семь раз запипись — и конец рабочего дня» («Комсомольская правда», 25 декабря 1968). Что это, как не модернизированная упряжка?

Н. В. ПОПОВА
Ленинград

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Эти однокоренные существительные образованы различно: *человечество* с суффиксом *-ств(о)* от слов *человек* и *человеческий*, а *человечность* — с суффиксом *-ость* от *человечный*. Как правило, подобные слова имеют в языке разные значения: *человечество* — «человеческий род, все люди в целом», *человечность* — «гуманность, человеколюбие, черты поведения, достойные человека». Однокоренные слова с разными суффиксами и различным значением привлекают внимание лингвистов как возможный источник речевых ошибок; такие слова называют паронимами — от греческого *para* «возле, вблизи» и *ónoma* «имя».

И в данном случае есть о чем подумать. Как сказать: «преступления против человечества» или «против человечности»? В современной прессе встречается и тот и другой оборот, причем в совершенно одинаковой роли: «Соединенные Штаты... совершили преступление против человечности во Вьетнаме» («Правда», 31 января 1968); «международное право осуждает войну как самое тяжчайшее преступление против человечества» («Правда», 27 марта 1969).

Нельзя предположить, что в одних случаях имеется в виду *человеческий* род, а в других — принципы гуманности. Слово *человечество* «отходит» от указанного выше «своего» значения еще и в таких разговорных, отчасти устарелых наречных сочетаниях, как *по человечеству* «учитывая человеческие свойства, правила, начала»: «по человечеству, ты прав».

И все же ни в одном из приведенных здесь примеров нет прямой

речевой ошибки; объясняется такое употребление *человечество* и *человечность* их давней историей в русском литературном языке. Отдельные свойства слов напоминают ныне об их сложном предшествующем смысловом развитии и взаимодействии.

Несравненно более старое в этой паре — слово *человечество*. Еще в древности оно имеет два значения — 'человеческий род, люди вообще' и 'человеческие свойства' («Материалы для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского), и в новое время (XVIII — начало XIX века), когда в слове происходят решающие изменения, оно сохраняет в общем те же значения.

В значении 'человеческий род' это слово можно встретить, например, в трактате «Слово о премудрости, благоразумии и добродетели» (1752) В. К. Тредиаковского при указании на человека как высшее творение природы: «Преизящность человечества из всех видимых в прекрасном естестве созданий»; в речи профессора Московского университета П. И. Страхова «Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие» (1788): «[науки] суть собрание опытов и изобретений мужей, потрудившихся в искании... средств к блаженству человечества»; в известном Словаре иностранных слов Н. Кириллова (1845—1846): «Человек есть часть общества, общество — часть человечества, человечество — часть органической природы».

В другом значении — 'человеческие свойства' — это слово употребляет А. П. Сумароков в «Статях о добродетели»: «Человек, лишенный человечества, противнее хищного зверя»; ученик Ломоносова Н. Н. Поповский в переводе сочинения Дж. Локка «О воспитании детей» (1759—1760): «Вдохнуть человечество в молодых людей»; Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» (1791): «Я с гордостью помышляю о своем человечестве»; декабрист П. И. Пестель в законодательном сочинении «Русская правда»: «Продавать, закладывать, дарить... людей наподобие вещей [есть] дело постыдное, противное

человечеству». Тогда же обычны обороты с предлогом *по*: «надобно любить человека по человечеству» (Сумароков), «поступать по человечеству» («Московский вестник», 1809).

В «Вестнике Европы» (1818) отмечено: «Слово *человечество* (Menschheit) имеет у нас два значения, во-первых, под ним разумеем род человеческий, во-вторых, людскость, или свойства человеческие, незверские». Однако уже в это время смысл слова постепенно изменяется: второе значение отступает на задний план и угасает, а первое становится основным и расширяется в употреблении. О происходящем в слове сдвиге свидетельствует и значительное число переходных, смешанных случаев, допускающих двойное или «обобщенное» понимание: возноситься выше человечества, священные права человечества, законы человечества, успехи человечества и др.

Тем не менее «отступление» второго значения неуклонно продолжалось: в языке Пушкина из 23 случаев слово *человечество* лишь дважды употреблено в этом значении; у Белинского также встречаются еще оба значения слова, но второе неизмеримо реже первого. В наше время второе значение — 'присущие человеку свойства, человеколюбие, гуманность' в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова не отмечается вовсе, а в четырехтомном «Словаре русского языка» (1957—1961) и в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» указывается как «устарелое». И все же, как мы видели, прежние свойства слова пережиточно сохраняются, подчас сближают слова *человечество* и *человечность*.

Чем же объясняется вытеснение в слове *человечество* второго значения, которое само по себе актуально и употребительно до сих пор? Прежде всего «давлением» синонимов. Наряду с *человечество* в XVIII — начале XIX века выступали слова *человеколюбие* (правила человеколюбия, закон человеколюбия, чувствования человеколюбия), *людскость*, например в исследова-

нии известного русского мыслителя XVIII века С. Е. Десницкого «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества» (1775): «просвещение правов народных и последовавшее отсюда большее чувствование людскости и человечества» и др. Наибольшее же влияние оказала «конкуренция» появляющихся с 40-х годов XIX века слов *человечность* и *гуманность*, закрепившихся именно в значении 'присущие человеку свойства'. Первое из них (*человечность*), как уже говорилось, образовано от прилагательного *человечный* — слова также нового, возникшего в конце XVIII — первых десятилетиях XIX века. Обстоятельства появления слов *человечный*, *человечность* и, главное, отражение этого в научной литературе не лишены интереса сами по себе, но вначале определим собственно языковые предпосылки возникновения этих слов.

Проблематика, связанная с человеком, была очень актуальной в литературе указанного времени. В России и других странах появляется множество сочинений, трактующих место человека в природе и обществе, взаимные отношения людей, их свойства, гражданские права и обязанности, нравственные и духовные качества. Особенно близка «гуманитарная» тема просветителям. Неудивительно, что и сами слова *человек*, *человеческий* употребляются в литературе этого времени очень широко и в разнообразных сочетаниях. Например, в журналах и изданиях Н. И. Новикова: «Человек, одаренный толь благородным духом, по которому он и человеком именоваться право имеет» («Московское еженедельное издание», 1781); «истинные патриоты и прямые человеки» («Утренний свет», 1777); в знаменитой «Беседе о том, что есть сын отечества» А. Н. Радищева (1789): «Истинный человек и сын отечества есть одно и то же». В ученых и публицистических произведениях различных авторов встречаем сочетания: ум, разум человеческий; естество человеческое; природа, натура человеческая; человеческие чувства, чувствования, нравы; человеческое обще-

ство, бытие; должности, права человека и др.

При всем богатстве оттенков, передававшихся прилагательным *человеческий*, оно имело в основном относительное значение — 'относящийся к человеку', качественное значение 'достойный человека', хотя и могло в отдельных высказываниях передаваться этим словом: «лишить их всего человеческого» («Вестник Европы», 1820), не было для него регулярным, не отвечало его грамматической природе. Как раз потребность «назвать» качественное значение и вызвала появление прилагательного *человечный*. Самый ранний известный пример употребления этого слова — в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, где оно встречается в сравнительной степени — *человечнее*.

Во время своего путешествия Карамзин посещал известных мыслителей, беседовал с ними. В Кенигсберге он виделся с Кантом и описал встречу с этим философом. Будучи в Женеве, Карамзин общался с писателем Лафатером. Он обратился к Лафатеру с вопросом в духе того времени: «Какая есть всеобщая цель бытия нашего, равно достижимая для мудрых и слабоумных [простых людей, не мыслителей]?» — и получил письменный ответ. Перевод этого ответа, помеченный в «Письмах», отличается сложностью, отвлеченностью выражений. Стремясь передать особенности текста, Карамзин использует не вполне обычные формы слов, цитирует (в скобках) оригинал, применяет курсив. Вот отрывок со словом *человечнее*: «Чем простее, вездущнее, всенасладительнее, постояннее или предмет, в котором или через который мы сильнее существуем, тем существеннее (exister) мы сами, тем вернее и радостнее бытие наше — тем мы мудрее, свободнее, любящее (libender), любимее, живуще, оживляющее, блаженнее, человечнее, божественнее, с целью бытия нашего сообразнее».

Неудивительно, что это место необычностью выражений привлекло внимание известного ревиителя рус-

ского слога А. С. Шишкова, который в своем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803) подверг его критике. В частности, он писал: «Свойственно ли нам из имени *человек* делать уравнительный степень *человечнее?* Поэтому могу я говорить: моя лошадь лошадинее твоей, моя корова коровнее твоей?». Речь шла не только о слове *человечнее*, но и о ряде подобных образований с качественным значением: картиннее, напряженнее и др. Как видим теперь, Шишков жестоко ошибался, восставая против слова *человечный*.

Распространение слова *человечный* относится к 40-м годам XIX века. У Пушкина его нет, а Белинский в обзоре «О детских книгах» (1840) еще сопровождает его оговоркой «если можно так выразиться». Интересно, что слово это отмечено и в других, причем весьма разных случаях.

Так, Е. А. Земская обнаружила его в словарике, составленном авторами публикации «Путешествия русских посланцев XVI—XVII вв. Статейные списки» (М.—Л., 1954), где слово *человечный* определено как «видный рослый». Однако если обратиться к самому источнику, то оказывается, что текст не дает оснований для такого толкования. В 1667—1669 годах от царя Алексея Михайловича в сложной международной обстановке было направлено посольство в Испанию и Францию во главе со стольником П. И. Потемкиным. По окончании миссии посол представлял, по обычаю, отчет («статейный список»), где подробно излагал обстоятельства и содержание переговоров. Потемкин, человек любознательный и образованный, в конце отчета сообщает и свои живые впечатления о виденном. При этом он говорит о Париже, центре культуры, просвещения и замечает: «Люди во Французском государстве *человечны* и ко всяким наукам, и философским и к рыцарским, тщательны».

Едва ли московского стольника поразил рослый, дюжий вид тогдашних парижан. Скорее он хотел указать на их живость, склонность к учению, как позднее стали гово-

рить, политичность. Приведенное выше определение взято, вероятно, из «Толкового словаря» В. И. Даля; там оно относится к отмеченному в некоторых говорах в XIX веке употреблению слова в смысле «рослый и плотный, видный собою» (примером служит такая фраза: «Он чел'эшный мужик, и баба его чел'эшна»). Конечно, эти разделенные во времени примеры не могли быть непосредственным образцом, основанием для утвердившегося с эпохи Белинского слова *человечный* в его современном литературном значении. Но вместе с тем они показывают возможность и, так сказать, неисключительность подобной формы в русском языке.

Существительное *человечность* распространяется почти одновременно с прилагательным. С ним тоже связано некоторое научное недоразумение. В 1769 году отдельной брошюрой была издана небольшая «аглинская» повесть французского сентиментального писателя Франсуа д'Арно «Сидней и Силли, или благодеяние и благодарность» в переводе Д. И. Фонвизина. Герой, столкнувшись с черствостью и жестокостью окружающих людей, впадает в отчаяние, но затем находит доброго покровителя и снова обретает счастье. В конце повести, между прочим, говорится: «Душа моя изображалась на лице моем и изв'являла нежность и *человечество*». Слово *человечество*, обычное для того времени, не раз встречается в повести в обоих своих значениях.

Когда К. П. Петров составлял «Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина» (1904), в основу было положено первое «Полное собрание сочинений» писателя (СПб.—М., 1888). А там приведенная фраза напечатана с ошибкой: вместо безусловно устаревшего к концу XIX века слова *человечество* в значении «присущие человеку свойства» набрано *человечность*. Расписывая для словаря собрание сочинений, Петров привел и фразу с опечаткой; таким образом в словаре оказался один пример на слово *человечность*. Получалось, что Фонвизин — первый и единственный писатель XVIII века, употре-

бивший это слово задолго до Белинского. Данные Петрова использованы в статье Н. М. Шанского «К истории некоторых слов на -ость» («Ученые записки Рязанского педагогического института», № 8, 1949). В дальнейшем словарь или статья почти неизменно воспроизводились в историко-лексикологических исследованиях.

Слово *человечность* (как и *гуманный*, *гуманность*) входит в русский литературный язык с 40-х годов XIX века и тесно связано со словоупотреблением Белинского: все эти слова можно с полным правом считать литературным нововведением великого критика. Новые термины широко используются Белинским и передают различные специальные оттенки. Показательно, что новые слова, особенно вначале, выступают рядом со старыми (человечество, человеколюбие, людскость и др.), подчас «перенимая» у них, развивая и обновляя уже сложившиеся типы сочетаний. У Белинского: «Орудием и посредником воспитания должна быть любовь, а целью — человечность (*die Humanität*)» (Детские сказки дедушки Ириней); «гуманность есть человеколюбие, но развитое сознанием и образованием» (Взгляд на русскую литературу 1847 года).

В свою очередь сохраняющиеся в употреблении старые слова, например *человеколюбие*, насыщаются более глубоким и специальным смыслом; в большей мере получают способность к качественному осмыслению прилагательное *человеческий*; некоторые слова и значения, как мы видели, вытесняются и исчезают (людский, людскость). См. определения в Словаре Даля, где новые слова впервые получают лексикографическую трактовку: «гуманный, человеческий, человечный, людский; свойственный человеку истинно просвещенному; человеколюбивый, милостивый, милосердный»; «гуманность, человечность, людскость; благодушные, человеколюбие, милосердие; любовь к ближнему».

У Белинского встречаются еще как варианты с особыми смысловыми оттенками новообразования *человечественный* (еще раньше в

журнале «Московский телеграф», 1832: *человечественные идеи*) и *человечественность* (встречается и в упоминавшемся Словаре Кириллова: «человечественность в женщине возможна только при ее эмансипации»), впоследствии не утвердившиеся в языке. Об этих словах см. в книгах: Ю. А. Бельчиков. Общественно-политическая лексика В. Г. Белинского. М., 1962; Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. М.—Л., 1965.

В наше время рассматриваемый круг слов по-прежнему достаточно велик: *человечество*, *человечность*, *человеколюбие*, *гуманность*; *человеческий*, *человечий*, *человечный*, *человеколюбивый*, *гуманный* и др. Каждое из них имеет индивидуальные особенности и оттенки, нередко они предстают как синонимы. В целом четкое различие имеют и описанные слова *человечество* и *человечность*. Вот некоторые типичные сочетания:

все прогрессивное *человечество*; освободительная борьба *человечества*; история *человечества*; процессы в жизни *человечества*; светлое будущее *человечества* — коммунизм; это придало фильму теплоту, *человечность*; роман волнует своей *человечностью*; проблемы *человечности* героя; принцип, закон, гимн *человечности*. С оттенком 'свойственное человеку, *человечность*' выступает и субстантивированное прилагательное *человеческое*: *человеческое* в человеке.

Тем не менее бывшая соотносительность слов *человечество* и *человечность* проступает не только в указанных выше отдельных (хотя и нередких) оборотах и выражениях, но и в заметной способности слов образовывать широкие по смыслу контексты, где *человечество* выходит за пределы своего значения 'человеческий род', указывая отчасти и на 'человечность': ср. светлые идеалы *человечества* — высокие идеалы *человечности* и т. д. Любопытно, что французское *humanité*, с которым слова *человечество* и *человечность* соотносились в переводных и литературных текстах XVIII—XIX веков, имело, как и че-

ловечество, двойное осмысление — ‘человеческий род’ и ‘человеческие свойства, человеколюбие’. Однако в русском языке смысловая дифференциация пошла по пути образования разных слов (от одного корня, с разными суффиксами), а французское слово и поныне сохраняет оба значения.

В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

НАБАТ

В современном русском литературном языке основное значение слова *набат* — ‘сигнал тревоги, подаваемый ударами колокола’: «Набат! набат!.. На сходку созывают!» (Мей. Псковитянка); «И вдруг вдалеке раздался набат: тревожный, гулкий голос колокола полетел над городом» (А. Н. Толстой. Хождение по мукам).

Кроме того, в устаревшем для нас значении *набат* — это ‘большой величины барабан’: «В битвах удары конницы бывают всегда при звуке огромных набатов (или барабанов)» (Карамзин. История государства Российского).

Судя по «Материалам для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, впервые это слово появилось в памятниках XVI века в значении ‘огромной величины медный барабан’: «Набать Турской, писанъ красками; набать кадной, писанъ клинцы; на нем кровля телятинная» (Оружие и ратный доспех царя Бориса Федоровича Годунова. 1589).

Слово *набат* происходит из арабского языка. В любом арабском слове легко выделить корень, чаще всего состоящий из трех согласных звуков. Так, в арабском слове *наўба*, которое легло в основу русского *набат*, выделяется корень *нуб* с общим значением ‘замещение, чередование’.

Существительное *наўба* ‘очередь, дежурство’ имеет форму множественного числа *наўбат*. Попало оно в русский язык, как и большинство арабских заимствований, через тюркское посредство. Тюрки заимствовали у арабов форму множественного числа *наўбат*, упростив только сочетание согласных *ўб > б*: *наўбат > навбат > наббат > набат*.

Интересно, что в сербскохорватском языке есть слово *побѣт* ‘смена, караул’, которое заимствовано из арабского через турецкий язык (ср. турецкое *пѣбет*). Это дает возможность предположить и такой вариант происхождения слова *набат*: арабское *наўбат > турецкое пѣбет (аў > ѓ)*. Арабское *наўбат* могло, звучать в древнем тюркском *нобат*, которое под влиянием аканья на русской почве стало *набат*.

Первоначально в арабском языке словом *наўба* называли смену караула, при которой били в барабан. Народы, принявшие ислам, широко употребляли его с тем же значением: *навбат* ‘очередь, смена’ в таджикском языке, *наубат* ‘очередь, караул’ в наречии уйгуров и в джагатайском книжном языке, турецкое *пѣбет* и древнетюркское *пѣубат* ‘дежурство, караул’.

При относительном звуковом совпадении арабского и русского слов они резко разошлись в значении. Вероятнее всего, впервые слово *набат* попало в русский язык в составе фразеологизма *бить набат*. Позже из-за неясности слова *набат* произошло ‘подновление’ его формы, стали говорить *бить в набат*, *бить по набату*: «Князь же великий повелѣ въ стану своемъ въ набаты бити, да соберутся людие на то устроение ко граду на приступ» (Софийский временник. 1553); «Велѣдъ бити по набату и в сурну играти» (Никонновская летопись. 1555).

Отсюда и то, во что бьют, метонимически стало пониматься как большой барабан. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года есть такой пример из «Актів исторических»: «И наряд у них и набаты взяли».

В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрова, в «Новом энциклопедическом словаре» под редакцией К. К. Арсеньева,